

Религиоведение. 2021. № 3. С. 61–69.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 3. P. 61–69.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.3.61-69

Березницкий С.В.

*Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
svbereznitsky@yandex.ru*

Соотношение менталитета с культурами и жизнеобеспечивающими технологиями коренных народов амуро-сахалинского региона

Аннотация. Целью исследования является поиск закономерностей механизма функционирования менталитета тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов амуро-сахалинского региона в соотношении с их комплексами культов, верований, ритуалов, жизнеобеспечивающих технологий. Менталитет понимается как образ мышления, основанный на специфических архетипах мировоззрения, знаниях, верованиях, культах, традициях и ценностях. Понятие «культ» используется для обозначения процесса почитания сверхъестественных сил, общественных святынь, включающего в себя комплекс верований и ритуалов. Система жизнедеятельности рассматривается как комплекс исторически сложившихся и постоянно эволюционирующих культурных, мировоззренческих, хозяйственных и бытовых компонентов, позволяющих этносу сохраняться и воспроизводиться в конкретном геоантропогенном ландшафте, творчески развивать и совершенствовать свои базовые этнокультурные особенности как общемировые ценности. По мысли автора, взаимодействие менталитета и системы жизнедеятельности является двунаправленным процессом: с одной стороны, менталитет определяет способы и формы жизнедеятельности, с другой – элементы культуры, составляющие основу жизнедеятельности, составляют паттерны, образцы, модели и результаты мышления, которые характеризуют особенности этнокультурного менталитета этнической общности. Менталитет формируется под влиянием географических, этнических и социокультурных, иррациональных и рациональных компонентов, но, как особый культурный феномен, отражает специфику культуры этноса в определённых условиях их исторического и социального бытия и сам является основой жизнеобеспечивающих технологий конкретного этноса. Соотношение менталитета с культурами и жизнеобеспечивающими технологиями рассматривается как взаимосвязь между явлениями одного рода, которые оказывают фундаментальное влияние на социум. Новизна исследования основывается на авторской концепции, согласно которой именно менталитет рассматривается в качестве основы этнокультурных особенностей комплекса культов и системы жизнедеятельности тунгусо-маньчжуров и нивхов. Данное положение позволит выявить этнокультурные механизмы этих этносов как самовоспроизводящихся систем в сложном процессе соотношения менталитета, культов и жизнедеятельности.

Ключевые слова: амуро-сахалинский регион, тунгусо-маньчжуры, палеоазиаты, менталитет, жизнеобеспечивающие технологии

Sergey V. Bereznitsky

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia
svbereznitsky@yandex.ru*

Correlation of Mentality with Cults and Life-Supporting Technologies of Indigenous Peoples of the Amur-Sakhalin Region

Abstract. The aim of the research is to search for the regularities of the mechanism of functioning of the mentality of the Tungus-Manchus and Paleoasiatics of the Amur-Sakhalin region in relation to their complexes of cults, beliefs, rituals, and life-supporting technologies. The Tungus-Manchu and Paleoasiatics mentality is understood as a way of thinking based on specific worldview archetypes, knowledge, life-supporting technologies, a complex of dominant needs, beliefs, cults, traditions, and values. The system of life activity is considered as a complex of historically formed and constantly evolving cultural, ideological, economic and household components that allow an ethnic group to be preserved and reproduced in a specific geoanthropogenic landscape, creatively develop and improve its basic ethno-cultural features as global values. According to the author, the interaction of the mentality and the system of life activity is a bi-directional

process: on the one hand, the mentality determines the ways and forms of life activity, on the other – the elements of culture that form the basis of life activity, make up the patterns, patterns, models and results of thinking that characterize the features of the ethno-cultural mentality of the ethnic community. The mentality is formed under the influence of geographical, ethnic and socio-cultural, irrational and rational components, but, as a special cultural phenomenon, it reflects the specifics of the culture of an ethnic group in certain conditions of their historical and social existence and is itself the basis of the life-supporting technologies of a particular ethnic group. The novelty of the research is based on the author's concept, according to which it is the mentality that forms the basis of the ethno-cultural features of the complex of cults and the system of life of the Tungus-Manchus and Nivkhs. This provision will allow us to identify the ethno-cultural mechanisms of these ethnic groups as self-reproducing systems in the complex process of correlation of mentality, cults and life activity.

Key words: Amur-Sakhalin region, Tunguso-Manchus, Paleoasians, mentality, life-supporting technologies

---

Введение

Определений менталитета в трудах отечественных и зарубежных ученых разработано огромное количество. Они отличаются в зависимости от того, на каком этапе развития науки возникают, какие методологические подходы господствуют в момент их появления, с какими традициями этнических культур и конкретных дисциплин они связаны. Обобщение многих дефиниций привело к выработке авторского варианта, не претендующего на окончательное решение этой проблемы. Менталитет рассматривается как образ мышления, основанный на специфических архетипах мировоззрения, знаниях, верованиях, культурах, традициях, ценностях, необходимых для развития жизнеобеспечивающих технологий как комплекса доминирующих потребностей.

Теории менталитета

Наиболее важным для раскрытия темы является тезис В.О. Ключевского о том, что формирование ментальных установок происходит под воздействием геополитических и природных факторов. Природу Ключевский считал «колыбелью» народа, которая генерирует его характер и манеру мышления. Специфика этнических культур и менталитетов обусловлена разнообразием природных факторов. Человек преобразует природу для своих нужд, подстраивается под климатические, погодные условия, ландшафт, в результате чего вырабатывает свою систему жизнедеятельности, этнический характер, особенности психологии, сообразительности, отношения к другим народам [Ключевский, 1908, 43, 65, 66, 389–391].

Сходную мысль о зависимости хозяйственно-экономических процессов от веры, языка, народных нравов и обычаев, инстинкта самосохранения, менталитета высказал С.Ю. Витте [Витте, 1912, 65].

Во французском философском словаре имеется определение К. Леви-Стросса сущности менталитета как совокупности основополагающих верований индивида или коллектива. Каждое общество обладает своим типом менталитета, без его разделения на «примитивную» и логическую формы [Lévi-Strauss, 1962, 21, 286, 354, 355; Стросс, 1999, 124, 325; 2008, 482; Дидье Жюлиа, 2010, 242]. Хотя Стросс не писал о менталитете исключительно лишь как о комплексе верований, один из лучших знатоков и переводчиков работ Леви-Стросса, А.Б. Островский, показал, что Стросс справедливо опроверг теорию дологического мышления Л. Леви-Брюля и положил в основу понимания первобытного мышления принцип бинарных оппозиций [Островский, 1984, 49]. Ф.С. Герасимов сделал попытку критики этой концепции менталитета Леви-Стросса, а также тезиса Стросса о том, что мыслительные структуры являются неизменными, врожденными для каждой конкретной культуры [Герасимов, 2008, 144–145].

Анализ трудов Леви-Стросса показал, что он убедительно доказал свои взгляды о специфике врожденных мыслительных структур, о зависимости процесса их развития от влияния окружающей природы. В архаическом обществе мышление возникает в результате воздействия животного и растительного миров. Тотемные животные отбирались людьми не для того, чтобы с их помощью утолять голод, а чтобы думать. Благодаря природному окружению человек разнообразил системы жизнедеятельности и мышления. На основе менталитета люди постигали окружаю-

щий мир, их мировоззрение менялось под действием технологических и экономических обстоятельств [Леви-Стросс, 1999, 46, 97, 105, 321, 338, 340, 349–350].

Мысль Леви-Стросса о влиянии окружающей среды на менталитет поддержал Г.Д. Гачев, который подчеркнул, что природа определяет лицо народа. Ландшафт, климат воздействуют на хозяйственно-культурный тип, особенности представлений о строении Вселенной, на развитие культурных институтов, искусства, архетипов и цветовой символики; культура есть не что иное, как прилаженность человека к природе [Гачев, 2008, 29, 30]. «...каждый народ остаётся самим собой <...>, пока сохраняется особый климат, пейзаж, национальная пища, этнический тип, язык <...> – они постоянно <...> воспроизводят <...> особый склад жизни и мысли...» [Гачев, 2008, 32].

А.Я. Гуревич разработал структуру ментальности, выделив в качестве её основных компонентов образ природы, восприятие пространства и времени, устную и письменную традиции передачи информации, соотношение традиций и новаций, соотношение миров земного и потустороннего, естественного и сверхъестественного, жизни и смерти, места человека в системе мироздания, отношение к миру вещей, к труду и деятельности в целом [Гуревич, 2007, 21]. Однако учёный предостерегал от излишней прямолинейности при корреляции между изменениями ментальности и социально-экономических отношений. Ментальные структуры достаточно автономны, процесс их функционирования подчинён собственным ритмам [Гуревич, 2007, 249]. Следует согласиться с этим предостережением А.Я. Гуревича, но полностью отказываться от концепции взаимосвязи менталитета и системы жизнедеятельности этноса нецелесообразно.

Таким образом, этнический менталитет рассматривается учёными как совокупность специфичных для конкретного этноса географических, культурных, экономических, мировоззренческих факторов, которые сформировались в природно-социальной среде, закрепились в мышлении и транслируются новым поколениям.

Природная и этнокультурная адаптация

тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов и её связь с менталитетом

В зависимости от особенностей этнического менталитета конкретные этносы обладают специфическими формами верований и ритуалов, которые связаны с хозяйственно-культурным типом, с комплексом жизнеобеспечивающих технологий, с картиной мира, с социокультурными нормами поведения, традициями и механизмами трансляции культурных ценностей. Природная адаптация коренных народов амуро-сахалинского региона зависит от особенностей окружающего мира. Он характеризуется огромной площадью, разнообразной природной средой, включающей горы, тайгу, тундру, морское побережье, долины рек. С другой стороны, эта территория обладает крайне низкой концентрацией населения. Наличие обширных ландшафтов всегда способствовало развитию у местных социумов особого ментального чувства пространства, что сказывалось на характере межэтнических контактов, свадебной обрядности, торговли, хозяйства, системы жизнедеятельности в целом.

Тунгусо-маньчжуры и палеоазиаты Нижнего Амура и Сахалина издавна проживают в зонах интенсивных этнокультурных контактов с различными этносами и культурными влияниями общностей, обладающих своеобразием хозяйственной, социальной, культурной жизни. Они впитали в себя достижения соседних цивилизаций, что отразилось на специфике их способа мышления. Одной из фундаментальных задач данного исследования является поиск соответствия между привносимыми мировыми ментальными ценностями и локальными традициями.

Природный фактор тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов связан с хозяйственно-культурными особенностями, с оленеводством, собаководством, охотой, рыболовством, морским зверобойным промыслом. Сочетание номадизма с осёдлостью выразилось в виде пешей охоты, использования оленя в качестве транспортного животного. Элементы жизнедеятельности: хозяйство, средства передвижения, формы жилищ и одежды, орнамента, бытовой утвари, определяются спецификой образа мышления, проявляющегося в мифах, верованиях, ритуалах, шаманстве, фольклоре.

В результате многовековой этнокультурной адаптации тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов сформировались различные элементы духовной культуры жизнеобес-

печивающих технологий, зависящие от природного сырья и ресурсов. Тот или иной образ жизни определил типы и устройства жилищ: лёгкие в монтаже конические чумы, палатки, связаны с кочевым образом жизни оленеводов и охотников, летние каркасные постройки, срубные амбары – с осёдлостью. В современных инновационных технологиях и образе жизни произошли значительные изменения, но основы кочевий и связанный с ними быт оленеводов-охотников продолжают сохраняться у части населения. Традиционный покрой и орнамент одежды зависят от этнокультурных тунгусских, палеоазиатских традиций и восточноазиатских заимствований.

Верования и ритуалы коренных народов Нижнего Амура и Сахалина являются важным мировоззренческим компонентом их менталитета, который во многом определяет характер традиционных и современных промысловых технологий. Несмотря на отличия в хозяйстве, в степени осёдлости и мобильности, уровне воздействия иноэтнических культур, несомненно, что результат охотничьего, рыболовного, морского зверобойного промыслов, оленеводства зависит от опыта человека, от объёма знаний о качествах растений, о приметах погоды, о направлениях ветров и морских течений, о времени миграции животных, их биологии, образе жизни и роли в пищевых цепочках, от качества промыслового оборудования и транспорта, одежды и обуви. Однако нередко только этих аспектов бывает недостаточно, и охотники прибегают к магическим, ментальным компонентам в своих промысловых технологиях.

Технологическое действие по производству орудий труда, транспорта, пищи, одежды наполнено архетипическим мировоззрением, мифологией, верованиями, представлениями о мире и месте в нём человека, о влиянии на его судьбу и всего социума разнообразных сверхъестественных существ. Охотники верили, что орудия труда, оружие, предметы утвари, транспорта являются вместилищами духов, помогающих или препятствующих деятельности человека, в зависимости от его поведения в социуме. Поэтому процесс изготовления и использования этих вещей предполагает механизм воздействия на сверхъестественные существа в виде умилостивительных, охранительных и других ритуалов. В противном случае произведённые вещи будут плохо работать или даже вредить.

Для недопущения этого транспортные средства «оживотворяются», магическими приёмами им придаются свойства живых существ – человека или зверя. С помощью амулетов охотники усиливают физиологические показатели своего организма: ловкость, быстроту реакции, интуицию. Соблюдаются запреты в промысловых технологиях, которые направлены на снижение риска, уменьшение степени зависимости от случайности, увеличение объёма добычи, рациональные приёмы и технологии, использующиеся для выживания этноса, дополняются ментальными.

Можно привести конкретные примеры адаптации коренных народов амурсахалинского региона к сложному современному социально-экономическим условиям жизни на основе особенностей менталитета. Данные факты опровергают сложившиеся стереотипы, связанные с характером промысловой деятельности, изготовления предметов быта и т.п. Например, всем известны пагубные последствия сплошных вырубок леса, которые приводят к экологическим, социальным, межэтническим проблемам. Мощная техника вырезает деревья, повреждает кустарник, нарушает почвенный покров, лишая представителей животного мира привычной территории для питания и размножения. Отсутствие кедр лишает кабанов, белок, птиц пищи, в свою очередь и хищники остаются без добычи. Профессиональные охотники (прежде всего, русские) отказываются получать в пользование охотничьи участки после вырубок. Однако бикинский удэгеец П.Г. Каленчуга согласился получить такой участок в качестве охотника-любителя. В ответ на сомнения членов этнографической экспедиции о невозможности фиксации приёмов добычи соболя, он заверил, что на его участке соболя есть. Охотник выстроил следующую логическую цепочку рассуждений: от лесорубов осталось много пней, опилок, коры, веток и целых стволов. В них расплодилось мыши, которые питаются семенами кедра, сосны, дуба, ясеня, липы и других пород, сорняками, мхом, насекомыми, дождевыми червями. Сами же мыши являются пищей соболя, который через некоторое время мигрировал на эту территорию. Последующие наблюдения за охотничьим промыс-

лом на этом охотничьем участке подтвердили правильность хода мысли удэгейца [Березницкий, 2004, 30–36].

Он же оказался и великолепным информантом в сфере мировоззренческих отличий аборигенной и русской культур. Так, при установке капканов, при передвижении в тайге охотники могут пораниться ветками, провалиться под лёд таёжных ручьёв и т.п. Произносить ругательные слова в таких случаях допускается только на русском языке. Логическое обоснование следующее: свои, удэгейские духи наказывают сквернословящих охотников, но русский язык они не понимают, потому что их никто не учил в школах.

Современные сахалинские мастерицы из среды нивхов, уйльта, эвенков проявляют удивительные примеры соотношения этнического менталитета с верованиями и жизнеобеспечивающими технологиями при изготовлении образцов декоративного искусства. Они располагают фрагменты будущей вещи с учётом этнических сюжетов родной или переселенческой культур на соответствующих носителях этих культур материалов, изготовленных из рыбьей кожи, оленьей или свиной замши, кожи таёжных промысловых зверей.

Если интерпретировать вышеприведённый тезис К. Леви-Стросса о том, что животные нужны, прежде всего, для того, чтобы думать, на этнографический материал коренных народов амуро-сахалинского региона, то здесь тоже можно выявить особенности их менталитета. В частности, в сфере соотношения тотемизма, географической среды и местного животного мира, выстроенного в пантеон. До сих пор у народов этого региона вызывает скептицизм концепция Ч.С. Дарвина о происхождении человека от обезьяны. Амурские аборигены обезьян не видели, поэтому образа этого животного нет в их комплексе традиционного мировоззрения. Но им нужно было объяснить подрастающему поколению первопричину появления людей на земле. В первую очередь сверхъестественным предком становился самый мощный и наиболее распространённый хищник в горной тайге Сихотэ-Алиня – медведь [Арсеньев, 1907, 64–65; Подмаскин, 2006, 103–109; Сем, 2015, 445, 456, 461]. Считалось, что медведь научил людей играть на музыкальных инструментах, использовать некоторые растения в пищу, а также дал им знания о народной медицине.

Тигр благодаря своим феноменальным звериным качествам, воздействию на людей в мировоззренческом плане, обладанию сложным в смысловом отношении образом в мифологии и связанными с ним верованиями и ритуалами, сочетал в себе положительные и отрицательные качества, представляясь одновременно в качестве предка и злого духа. Тигр научил охотников предварительно будить спящую добычу – только потом убивать [Арсеньев, 1914–1925, 230–232, 263–264; 1949, 168, 219; Старцев, 1994, 85–93; 2016, 83–90].

С ментальными образами тигра и леопарда у коренных народов связана идея происхождения института одежды. Общеизвестно, что одежда – это искусственный покров тела человека для защиты от неблагоприятных климатических и бытовых условий, для этнической, племенной, родовой идентификации. В зависимости от региона проживания, особенностей исторического, этнического, социокультурного развития одежда отличается материалом, типом, способами производства и использования, многими другими показателями и атрибутами. Одежда, изобретённая человеком в глубине веков, является вещественным воплощением мифа [Буткевич, 2008, 10]. Мифология предметного мира связана с особенностями архаического мировоззрения, соответствующим образом жизни и быта, полностью охваченных сакральным сознанием, синкретичной слитностью человека с Космосом, ритуалами жизненного цикла [Сем, 1987, 40–50].

К. Леви-Стросс классифицировал тотемических табуированных животных, соотнёс их с культом священных предков, обладающих полузвериной-получеловеческой природой. Они могли наносить вред, агрессивно вмешиваться в человеческие дела, но тем самым сохраняли социальный порядок тотемической группы [Стросс, 1994, 86–87, 179]. Зооморфность образа сверхъестественных предков определялась приоритетным обитанием того или иного вида животного, насекомого, ракообразного и т.п. в данной местности.

В дальневосточной мифологии зафиксированы сюжеты о соотношении пантеона сверхъестественных священных животных-предков с процессом появления и дальнейшего функционирования института одежды.

По степени важности удэгейцы ставили на самый верх своего пантеона дальневосточного леопарда. Этот зверь считался более хитрым, чем тигр, обладал способностью лазать по деревьям, ходить по самым тонким веткам. В мифах леопард отдаёт приказание тигру, убить его невозможно, так как ружья дают осечку, а у стрел отпадают наконечники. Вторым в пантеоне обозначен тигр, третьим – рысь. Возможно, представления о главенствующей роли леопарда сложились на основе верований удэгейцев о том, что леопард раньше появился в земном мире, чем тигр. В мифологическое время леопард помогал удэгейской семье охотиться, а во время голодовок приносил людям мясо и дичь. Благодарная жена охотника сшила для леопарда, который тогда был рыжей масти, как лиса, одежду с чёрными пятнами по жёлтому полю [Арсеньев, 1914–1925, 238–239, 270–271].

В соответствии с нивхской легендой, именно тигр дал одежду людям, хотя для региона расселения нивхов тигр является более редким гостем, чем в промысловой культуре нанайцев, орочей, удэгейцев [Березницкий, 1997, 293]. Свою красивую полосатую шкуру-одежду тигры, по рассказам аборигенов, могли снимать и вывешивать на просушку.

В традиционной культуре орочей существовал институт кровной мести, когда весь род мстил обидчикам за убийство своего сородича, за похищение женщины, серьёзную материальную утрату. Подобная месть осуществлялась и по отношению к тигру, убившему человека. Хищника убивали, хоронили в специальном амбаре на сваях, надев на тигриний труп одежду и снабдив всем необходимым для загробной жизни [Сидоров, 1935–1960, 11; Петров, 1977, 11].

Древние представления аборигенов о леопардах, тиграх и медведях, как культурных героях, соответствуют мифологическому сознанию: человек дарит одежду леопарду, а тигр – человеку, а также учит его приёмам охоты. В традиционной культуре коренных народов региона бытовали предания о происхождении от тигра, которые раньше были родовыми, затем распространились на весь этнос. В целом, образ тигра как одного из главных хозяев тайги, промысловых зверей широко распространён в промысловых ритуалах народов региона и нередко тигр выступает в качестве высшего таёжного судьи, учит людей законам; его статус выше статуса медведя.

Медведь как реальный хищник, его мифологический образ, культ занимали важную нишу в мировоззрении коренных народов Сибири и Дальнего Востока на гораздо большей территории, чем ареал расселения тигра. Медведь и сегодня считается священным первопредком, однако является промысловым животным. В этнографической литературе очень подробно описан бытовавший ранее медвежий праздник. Отдельные приметы по отношению к зверю сохранились до сих пор, в том числе и в сфере комплекса традиционной одежды. В частности, горинские нанайцы вспоминали, что охотник мог использовать медвежью шкуру в качестве постели на промысле. Однако страшным грехом считалось изготовление одежды из шкуры медведя, носить её мог только этот хищник. Амурские нанайцы в добавление к осмыслению этого сюжета подчёркивали, что в традиционной культуре их предки выходили на промысел только в одежде своего рода, при нарушении правила, в тайге такого человека мог задрать медведь.

Иманские удэгейцы сохранили предание о том, как однажды молодой парень в облегающей тело одежде из рыбьей кожи смог победить других конкурентов и взять в жёны красавицу с золотыми зубами, сняв её со скалы. Другие женихи были сброшены в пропасть порывами сильного ветра, так как на них была широкая одежда из китайского шёлка [Березницкий, 2000, 62]. Рассказчики подчёркивали прежде всего хитрость, мудрость и наблюдательность героя из своего рода.

Заключение

В результате длительного процесса межэтнической коммуникации славянской и восточной цивилизаций с коренными народами амуро-сахалинского региона происходит постепенная трансформация комплекса аборигенных жизнеобеспечивающих технологий. Однако появившиеся европейские виды наземного, воздушного

и морского транспорта до сих пор полностью не вытеснили традиционные средства передвижения. Более того, можно отметить даже попытки возрождения ездового собаководства. Охотники, морские зверобои и рыболовы по-прежнему обладают интуитивной способностью безошибочного нахождения добычи и приёмами её добычи. Несмотря на мощное воздействие общероссийской праздничной культуры, многие традиционные элементы сохраняются в виде фольклорных праздников, танцев, этнической музыки.

Информанты с дружеской иронией показывали кардинальную разницу в системе мышления аборигенов и учёных, членов этнографических экспедиций. Последние могут думать только как люди. Охотник или рыбак, морской зверобой размышляет не только как человек, но и как таёжное или морское животное, как рыба или птица, как хищник и как его жертва. Поэтому промысловик-абориген знает, где притаилась добыча в реке, морском заливе или в таёжной чаще. Но для этого в ментальном пространстве своего сознания он должен сложить чёткую картину из разнообразных разрозненных фрагментов знания реальной биологии зверя, его повадок, воспользоваться помощью духов-хозяев, интуицией, надеждой на промысловый фарт.

Мифологические тексты, легенды и предания не забыты и передаются подрастающему поколению. Самым главным фактором следует считать сохранение менталитета аборигенов региона, являющегося основой их древней культуры, направленной на гуманное использование природных ресурсов, несмотря на включённые отдельные иноэтнические технологии, способствующие дальнейшему позитивному развитию общества и приобщению к общемировым стандартам. Именно эта особенность позволяет всей этнической системе коренных народов региона сохранять свою стабильность в современных условиях.

Благодарность

Статья написана при финансовой поддержке проекта РФФИ и Национального центра научных исследований Франции (НЦНИа) № 21-59-15002 «Менталитет тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов Восточной Сибири и юга Дальнего Востока как мировоззренческая основа и показатель особенностей системы жизнедеятельности» (Рук. Т.Ю. Сем).

Acknowledgment

The article was written with the financial support of the RFBR project and the National center for scientific research of France (NCSIA) No. 21-59-15002 "Mentality Tungus-Manchus and paleoasians Eastern Siberia and the Russian Far East as an ideological basis and the figure of the features of the system of life" (Director T.Y. SEM).

Список сокращений

Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН – архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Архив МАЭ РАН – Архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук

СВФХКМ – Совгаванский филиал Хабаровского краеведческого музея

Библиографический список

1. Арсеньев, В.К. Путевой дневник 1. 1914–1925 гг. / В.К. Арсеньев // Архив ПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27.
2. Арсеньев, В.К. Путевой дневник 2. 1907 г. / В.К. Арсеньев // Архив ПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6.
3. Арсеньев, В.К. Сквозь тайгу / В.К. Арсеньев. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949. – 404 с.
4. Березницкий, С.В. Духовная и материальная культура иманских и бикинских удэгейцев. Этнографическая наука в Китае / С.В. Березницкий // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 434. – Владивосток, 2000.

5. Березницкий, С.В. Материалы по культуре бикинских и анюйских удэгейцев, селемджинских эвенков / С.В. Березницкий // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф.1. Оп. 2. Д. 559. – Владивосток, 2004.
6. Березницкий, С.В. Этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура / С.В. Березницкий // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. – Владивосток, 1997.
7. Буткевич, Л.М. История орнамента / Л.М. Буткевич. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008. – 267 с.
8. Витте, С.Ю. По поводу национализма: Национальная экономия и Фридрих Лист.- 2-е изд. / С.Ю. Витте. – СПб.: Тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1912. – 75 с.
9. Гачев, Г.Д. Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.
10. Герасимов, Ф.С. Объективация структуры или мышление дикаря? (к критике концепции К. Леви-Стросса) / Ф.С. Герасимов // Вестник Воронежского гос. ун-та. – 2008. – № 2. – С. 139–146.
11. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Средневековый мир / А.Я. Гуревич. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 560 с.
12. Дидье, Жюлиа. Философский словарь / Жюлиа Дидье / Пер. с фр. Е.В. Андреевой. – М.: Международные отношения, 2010. – 544 с.
13. Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1908. – Ч. 1. – 464 с.
14. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Изд-во Республика, 1994. – 384 с.
15. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс / Пер., вступ. ст., примеч. А.Б. Островского. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика. 1999. – 392 с.
16. Леви-Стросс, К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / К. Леви-Стросс / Пер. с фр. А.Б. Островского. – М.: Академический Проект, 2008. – 520 с.
17. Островский, А.Б. Анализ мифов К. Леви-Стросса: первобытное мышление и этнографический контекст / А.Б. Островский // Советская этнография. – 1984. – № 5. – С. 48–53.
18. Петров, К. Рассказ старого охотника / К. Петров // Блокнот агитатора. – Хабаровск, 1977. – № 12. – С. 11.
19. Подмаскин, В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории / В.В. Подмаскин. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 540 с.
20. Сем, Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон. Семантика образов и этнокультурные связи / Т.Ю. Сем. – СПб.: Филфак СПбГУ, 2015. – 640 с.
21. Сем, Т.Ю. Проблемы погребальной обрядности южных тунгусо-маньчжуров в сравнительно-типологическом аспекте/ Т.Ю. Сем // Национальные традиции в культуре народов Дальнего Востока. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. – С. 40–50.
22. Сидоров, Н.П. Материалы об орочах (1935–1960 гг.) / Н.П. Сидоров // СВФХКМ. Ф. 45/1.
23. Старцев, А.Ф. Культ тигра у народов Приамурья и Приморья / А.Ф. Старцев // Этнос и культура: сб. научн. тр. / Отв. ред. Л.Е. Фетисова. – Владивосток: Дальнаука, 1994. – С. 85–93.
24. Старцев, А.Ф. Тотемические пережитки тазов Ольгинского района Приморского края / А.Ф. Старцев // Инновационная наука. – 2016. – № 3. – С. 83–90.
25. Lévi-Strauss, C. La pensee sauvage / C. Lévi-Strauss. by Librairie Pion, 8, rue Garancjère. – Paris-6, 1962. – 396 p.

Текст поступил в редакцию 10.03.2021.

Принят к публикации 14.06.2021.

Опубликован 28.09.2021.

References

1. *Arhiv Obshhestva izuchenija Amurskogo kraja* [The Society of Studying the Amur Region Archive]. Fund of V.K. Arsenyev. Inventory 1. File 27. Putevoj dnevnik 1. 1914–1925. (in Russian).
2. *Arhiv Obshhestva izuchenija Amurskogo kraja* [The Society of Studying the Amur Region Archive]. Fund of V.K. Arsenyev. Inventory 1. File 6. Putevoj dnevnik 2. 1907. (in Russian).
3. Arsen'ev V.K. *Skvoz' tajgu* [Through the taiga]. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit., 1949, 404 p. (in Russian).
4. Berezniitsky S.V. *Arhiv Instituta Istorii, Arheologii i Jetnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Science]. Fund 1. Inventory 2. File 434. Vladivostok, 2000 (in Russian).
5. Berezniitsky S.V. *Arhiv Instituta Istorii, Arheologii i Jetnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Institute of History, Archaeology

- and Ethnology of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Science]. Fund 1. Inventory 2. File 559. Vladivostok, 2004 (in Russian).
6. Berezniitskiy S.V. *Arhiv Instituta Istorii, Arheologii i Jetnografii narodov Dal'negu Vostoka Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Science]. Fund 1. Inventory 2. File 403. Vladivostok, 1997 (in Russian).
7. Butkevich L.M. *Istoriya ornamenta* [The history of ornament]. Moscow: Gumanitar, izd. centr VLADOS, 2008, 267 p. (in Russian).
8. Vitte S.Yu. *Po povodu nacionalizma: Nacional'naya `ekonomiya i Fridrih List* [About Nationalism: National Economy and Friedrich List]. St. Petersburg: Tip. AO Brokgauz-Efron, 1912, 75 p. (in Russian).
9. Gachev G.D. *Mental'nosti narodov mira* [Mentalities of the peoples of the world]. Moscow: Algoritm, `Eksmo, 2008, 544 p. (in Russian).
10. Gerasimov F.S. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta* [Bulletin of Voronezh State University]. 2008, no 2, pp. 139–146 (in Russian).
11. Gurevich A.Ya. *Izbrannye trudy. Srednevekovyj mir* [Selected works. Medieval World]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007, 560 p. (in Russian).
12. Didier J. *Filosofskij slovar'* [Philosophical Dictionary]. Transl. E.V. Andreeva. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2010, 544 p. (in Russian).
13. Klyuchevskij V.O. *Kurs russkoj istorii* [Russian History Course]. Pt. 1. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko, 1908, 464 p. (in Russian).
14. Lévi-Strauss C. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Transl. A.B. Ostrovsky. Moscow: Izd-vo Respublika, 1994, 384 p. (in Russian).
15. Lévi-Strauss C. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Transl. A.B. Ostrovsky. Moscow: TERRA-Knizhnyj klub; Respublika, 1999, 392 p. (in Russian).
16. Lévi-Strauss C. *Totemizn segodnya. Nepriruchennaya mysl'* [Totemism today. Untamed thought]. Transl. A.B. Ostrovsky. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2008, 520 p. (in Russian).
17. Ostrovsky A.B. *Sovetskaya `etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1984, no. 5, pp. 48–53 (in Russian).
18. Petrov K. *Bloknot agitatora* [Agitator's Notebook]. Khabarovsk, 1977, no. 12. p. 11 (in Russian).
19. Podmaskin V.V. *Narodnye znaniya tunguso-man `chzhurov i nivhov: problemy `etnogeneza i `etnicheskoj istorii* [Folk Knowledge of the Tungus-Manchus and Nivkhs: problems of ethnogenesis and ethnic history]. Vladivostok: Dal'nauka, 2006, 540 p. (in Russian).
20. Sem T.Yu. *Kartina mira tungusov: panteon. Semantika obrazov i `etnokul'turnye svyazi* [The picture of the Tungus world: The Pantheon. Semantics of images and ethno-cultural connections]. St. Petersburg: Fil'fak SPBGU, 2015, 640 p. (in Russian).
21. Sem T.Yu. *Problemy pogrebal'noj obryadnosti yuzhnyh tunguso-man `chzhurov v sravnitel'no-tipologicheskom aspekte* [Problems of funeral rites of the Southern Tungus-Manchus in the comparative-typological aspect]. Vladivostok: DVO AN SSSR, 1987, pp. 40–50 (in Russian).
22. Sidorov N.P. *Sovgavanskij filial Habarovskogo kraevedcheskogo muzeya* [Sovgavan Branch of the Khabarovsk Museum of Local Lore]. Fund 45/1. File 24f (in Russian).
23. Starcev A.F. *Etnos i kul'tura* [Ethnos and Culture]. Ed. L.E. Fetisova. Vladivostok: Dal'nauka, 1994, pp. 85–93 (in Russian).
24. Starcev A.F. *Totemicheskie perezhitki tazov Ol'ginskogo rajona Primorskogo kraja* [Totemic remnants of the basins of the Ol'ginsky district of Primorsky Krai]. Innovacionnaya nauka, 2016, no. 3, pp. 83–90 (in Russian).
25. Lévi-Strauss C. *La pensee sauvage* [The Savage Mind]. By Librairie Pion, 8, rue Garancjère. Paris-6, 1962, 396 p. (in French).

Submitted for publication: March 10, 2021.

Accepted for publication: June 14, 2021.

Published: September 28, 2021.